

ТЕАТР — это кафедра, располагаемая для многомиллионной аудитории. Каждое слово, проясненное со сцены, может приобрести огромную действенную силу, если это слово будет мудрым, поучительным, нужным сегодняшнему зрителю.

«Что еще может доставить большее удовлетворение художнику, чем сознание того, что его талант целиком посвящен борьбе народа за построение коммунизма, что его произведения приняты народом и высоко оценены им». Эти слова Н. С. Хрущева, произнесенные им на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 года, являются тем критерием, с позиций которого должно оцениваться творчество каждого артиста, режиссера, драматурга, каждого творческого коллектива.

Как же направляется и координируется деятельность московских театров? Что предпринимается для того, чтобы на сцене появлялись значительные произведения о нашей жизни, спектакли высокодейственные и художественно совершенные? Как всем этим занимается Управление культуры Моссовета, в ведении которого находятся шестнадцать театров?

Основой репертуара, как известно, должны быть пьесы о наших современниках. Если говорить о процентном соотношении, то произведения советских драматургов занимают доминирующее положение на афише. По сведениям управления, в 1962 году эти пьесы составили 65 процентов названий и 70 процентов фактически сыгранных представлений.

Однако среди множества современных спектаклей трудно выделить такой, который без всяких скидок может именоваться крупным, масштабным событием

театрального искусства. Некоторые из них завоевали симпатии и уважение зрителей. В них отображаются разные стороны нашей жизни, но пока это только попытка вести разговор по большому счету, показать человека — борца, создателя, строителя коммунистического общества во всем его многообразии.

Вместе с тем продолжает появляться слишком много произведений, по внешним признакам как будто современных, но по существу не отвечающих этому высокому понятию. Показ жизненных явлений в них подменен копированием частностей, случайно попавших в поле зрения авторов. Мысли зачастую замещаются словами, характеры — иллюстрациями к ним, серьезные проблемы — житейскими мелочами и неурядицами. Такова, например, целая серия пьес о молодежи, появившихся в театрах в течение последних сезонов.

Серьезность — распространяемая болезнь в театральном искусстве. Сегодня поток произведений о молодежи сменяется косяком пьес на темы о явлении эпохи культура личности. В Москве уже идут два спектакля — «Черные птицы» и «Под одной из крыш», в которых затрагиваются события 1937—1938 годов. Готовится еще несколько спектаклей; а о том, какое огромное количество пьес создано, знают только завлиты, управления культуры и репертуарные отделы министерства. Необходимы политическая зрелость, мудрость и опыт, чтобы из многих этих пьес отобрать только то, что действительно является плодом глубоких размышлений о жизни.

Сегодня с московской афиши совсем исчезли произведения драматургов национальных республик. В течение сезона была поставлена только пьеса узбекского поэта Р. Ваваджана «Цыгана не обманешь» в «Ромэне». Не может быть, чтобы за это время не появилось в наших республиках больше ни одной пьесы, достойной внимания. Просто взоры театров в эту сторону не устремлялись, а управление внимание режиссеров туда тоже не направляло. Два года назад в Москве был проведен смотр спектаклей, созданных по пьесам национальных драматургов, который дал интересные результаты. Но кампания закончилась, и никого больше не волнует этот вопрос,

очевидно, до следующей кампании.

Зато только в прошлом году было поставлено 12 пьес современных западных авторов, а всего их идет в Москве 27. Всегда ли достаточно требовательно и выискательно подходят театры к выбору зарубежных пьес? Вряд ли может вызвать возражения или чувство неудовлетворенности такой спектакль, как «Милый лжец» в МАХАТе. Но рядом с ним живут на подмостках спектакли, которые театры не пытаются придать даже видимость серьезной проблематики. Развлекательность в них становится существом, и за ним пропадает та мысль, ради которой и создавалось автором произведение. Таков, к примеру, спектакль «Центр нападения умрет на заре» в Театре имени Ленинского комсомола. Здесь все дело в мере требовательности театра к себе или к автору. А она далеко не во всех случаях достаточно высока, поэтому и появляются представления типа «Третьей головы» в Московском драматическом театре, где господствует адюльтер, где развлекательность оборачивается порой откровенной пошлостью.

Вызывает, что драматическое произведение само по себе социально-значительно, а спектакль выходит неярким, неглубоким. Видимо, необходимо учитывать и возможности театра. Прежде чем включить в репертуар Драматического театра имени К. С. Станиславского пьесу А. Миллера «Сейлемские ведьмы», управлению вместе с театром следовало бы подумать, кто будет ее ставить. Ведь совершенно очевидно, что успех А. Арнона в постановке некоторых молодежных пьес — недостаточное основание для того, чтобы поручать ему такое сложное произведение. Конечно, театры должны экспериментировать, а для этого необходимо доверие к коллективу; но есть случаи вполне ясные: Театр имени Станиславского не был достаточно подготовлен к постановке этой пьесы.

Конечно, формирование репертуара в московских театрах — дело сложное. Театров много, пьес мало, и в результате работа завлита зачастую сводится к тому, чтобы «вырвать» произведение у своего коллеги. Время от времени пламя междоусобных схваток за пьесу перекидывается из аппартаментов завлитов в кабинеты директоров и главных режиссеров и, наконец, начальными

ИСКУССТВО РУКОВОДИТЬ

управления или его заместителя. Чаще всего очаг «войны» здесь ликвидируется. Но бывают и такие случаи, когда сотрудничество управления стойкости не хватает.

Упорным было сражение за пьесу М. Львовского «Друг детства» между Театром имени Ленинского комсомола и «Современником». К тому же драматург вел себя, как расчленившая невеста, которая не хочет упустить ни одного из женихов. Утром он давал обещания одним, вечером — другим; эти обещания тут же становились известными сопернику, и страсти все больше разгорались. Перед их накалом управление не устояло: премьеру разрешили выпустить обоим коллективам, оказав плохую услугу и им, и зрителю. Последний отказался дружить со столь неприглядным и ничкеным «Другом детства». Пройдя в «Современнике» в прошлом году 17 раз, «Друг детства» исчез из репертуара, а на сцене театра-«соперника» он за тот же период стыдливо появился всего лишь семь раз.

В начале нынешнего сезона управление встало перед поистине ошеломляющим фактом: оказалось, что несколько пар актеров московских театров собираются готовить «Двое на качелях». Никакие увещания не помогли. Заместителю начальника управления К. Ушакову пришлось издавать по этому поводу специальные приказы, чтобы избежать дублирования репертуара.

Но если дело касается подвластных ему театров, управление еще может принять и часто принимает действенные меры к тому, чтобы не допускать подобного положения. Жуже, когда сталкиваются в борьбе за пьесу коллективы, подчиненные разным ведомствам. В свое время управление пыталось доказать, что бессмысленно Малому театру ставить «вторым экраном» после Центрального детского «Неравный бой». Голосу его не явили. Та же история повторится сейчас со спектаклем «Перед ужином». Теперь Малый театр хочет ставить новую пьесу А. Арбузова «Нас

где-то ждут», которая уже репетируется у мялковца. И опять управление бессильно. Вой «московских» и «немосковских» театров оказывается поистине неравным. В скором времени на московской сцене появится еще один «Милый лжец» — в Театре им. Моссовета. В прошлые сезоны шли два «Океана» и две «Виты в пути».

Управление является тем штабом, где сосредотачивается драматургический материал, штабом, который решает, какие силы целесообразнее двинуть сейчас в бой. Ему следует пожелать большей требовательности и оперативности. Но, кроме управления, есть еще множество учреждений, которые занимаются тем же самым, и действия их не всегда между собой координируются. Не в этом ли кроются причины того, что в репертуарной политике не чувствуется порой целесообразности, твердости, единой направленности?

Общий штаб необходим не только в формировании репертуара, но и в формировании афиши на декаду, месяц. На практике часто приходится сталкиваться с фактами, когда пьесы, поднимающие серьезные проблемы сегодняшнего дня, подчас лишь числятся на афише, а «прокатываются» же на зрителе другие.

Приведем несколько цифр. Театр имени Ленинского комсомола: «Опасный возраст» прошел в 1962 году 114 раз, «Чемодан с наклейками» — 106, «Центр нападения» — 47 раз. А вот «Годы странствий» — лишь 14, «Цветы живые» — только 4 раза.

На сцене Театра имени Ермоловой рекордными оказались спектакли: «Лунавая соната» — 71 раз, «Игра без правил» — 59 раз, «Девушка с веснушками» — 57 раз, «Суббота, воскресенье, понедельник» — 33 раза (с июня). Зато погонщик «Моего друга» играли всего 13 раз в году.

В Театре сатиры: «Дамоклов меч» — 55 раз, «12 стульев» — 33 раза, «Золотой теленок» — 48 раз, «Ваня» — 8 раза (?!).

Московский драматический театр «Третья голова» — 101 раз, «Вид с моста» — 63 раза, «Мертвая хватка» — 31 раз. Советские же спектакли — «Закон зимовки» — 8 раз, «Начало жизни» — 1 раз.

ЦЕЛЕСОУДОБИМОСТИ нет говорить о роли режиссера в современном театральном искусстве. Может существовать стиличная труппа с массой великодушных актеров, может быть даже обилие хороших пьес в портфеле завлита, но если во главе коллектива не стоит человек, умеющий объединить и направить его усилия по точному идейному и художественному курсу, театра нет.

От знания до умения сделать театр — дистанция огромного размера. Никто лучше, убедительнее Б. Толмазова не умел выразить в словесных декларациях сущность Театра имени Ленинского комсомола: «Фабрика оптимизма» — гордо и увлекательно это звучало! Но поднимались заванес, и мы слышали со сцены лишь бесконечные песенки, частушки, куплеты. Режиссер оказался плохим гидом по лабиринту жизни и человеческих сердец, но не сумел повести за собой ни театр, ни зрителя.

Долгое время в тяжелом положении находился Театр имени М. Н. Ермоловой. Конвейер главных режиссеров перемещался с такой скоростью, что невозможно было разглядеть их лица. Имя предыдущего руководителя поднималось на щит борьбы с ныне существующим. Стоило ему уйти и уступить свое место другому, как о нем начинали сожалеть и ставить в пример вновь пришедшему. Разные режиссеры, ставившие спектакли, тянули его от одной крайности к другой, стали даже поговаривать о полной несостоятельности коллектива. Но стоило прийти А. Шатрину и поставить три спектакля, и театр снова начал обрывать авторитет.

Несколько лет назад в московские театры влилась группа молодых. Они сказали свое слово громко и веско. И все успокоилось — есть режиссеры! Но все

**СОВЕТСКАЯ
СКУЛЬТУРА**